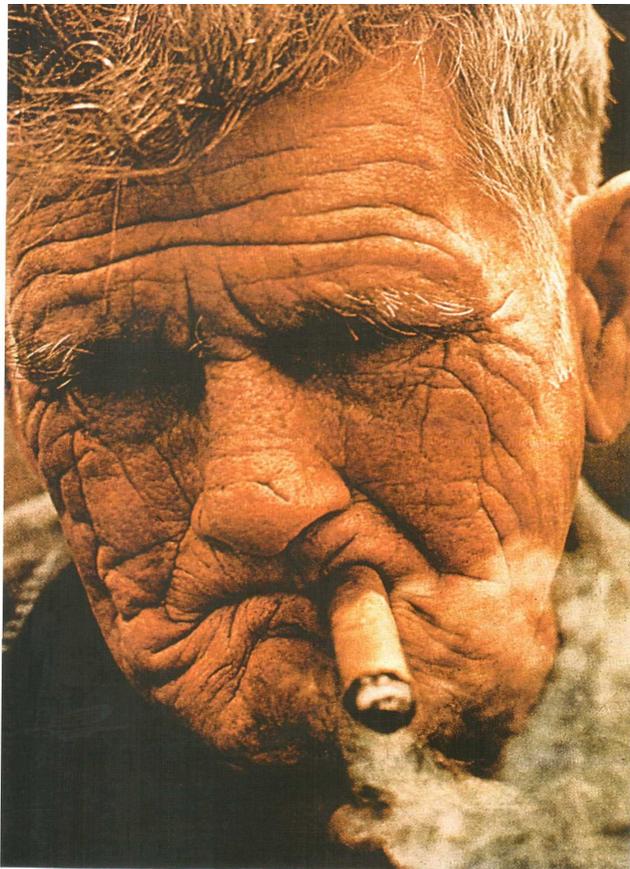

Юмористический журнал

Балагур
international

*Бурчание**Сысой Никодимович Балагуров**Чихали мы на этот грипп*

Вот нас бесконечно по телевизионному ящику до дрожи в коленках и до мокрых памперсов пугают свиным гриппом. Мол, по всему белому свету от «мексик» и «америк» до самой деревни Тьмутараканьки (или Диканьки) бодро шагает эта бацильная зараза семимильными шагами, уверенно обгоняя рост производительности труда и материального благополучия трудящихся масс. Мол, зараза под названием Н-1 N-1 способна вызвать пандемию и одновременно уйдут на бюллетень более трех миллиардов землян.

А я вам так скажу, дорогие мои россияне и россиянки, рожденные в СССР, не надо пугаться крохотного вируса. Ну, чего нам бояться этого гриппа? Даже хорошо, что он свиной, а скажем, не какой-нибудь гиппопотамовый или, еще хуже того, опоссумовый.

Во-первых, свинья нам ближе во всех ее свинячьих проявлениях, как своя рубашка к телу. И по строению внутренних органов, и по привычкам, и по поведению в общественных местах. Свиной род тоже подразделяется на множество социальных групп, и для каждой из них грипп будет иметь разные последствия. Давайте подробнее разберемся в этом непростом и чрезвычайно важном вопросе бытия.

Итак, хочу дать несколько практических советов, которые помогут пережить любую эпидемию и даже пандемию, черт бы ее побрал. Поросятам, как самым слабеньким представителям свиного рода, надо поменьше гонять по помойкам бездомных собак, лучше учиться по всем предметам, мыть руки перед едой, закаляться холодной водой и горячим воздухом в бане, а также зачистить в спортзалы и на стадионы. И любой грипп будет им по барабану.

Свиньям средней шерстистости надо наконец то поверить в себя, в свои бесконечные силы, позволяющие и горы свернуть, и в дымящуюся избу без противогаса войти. Им надо еще больше уделять внимания активному образу жизни, перестать есть на ночь, освоить в зимнее время коньки и лыжи, а в летнее - велосипед и ласты. И любой грипп будет им до лампочки.

Секачи по такому мелкому вопросу, как какой-то там свиной грипп, могут сильно не заморачиваться. Сейчас все лечится. При наличии толстого кошелька, который позволяет покупать неподдельные лекарства в аптеках. Так что продолжайте лелеять и холить свой бизнес, а если вдруг у нас порой... То тогда, вас с удовольствием, хрустя в карманах вашими банкнотами, будут лелеять и холить в каком-нибудь санатории бывшего ЦК ВЦСПС.

Меньше всего мы знаем о вепрях. Они в наших местах не водятся из соображений экологической нецелесообразности. Они предпочитают густые заповедные дубравы в ближнем Подмоскovie, богатые желудями и возможностями карьерного роста. Мы, вместе со свиным гриппом, имеем возможность видеть их только по телевизору. Добраться до вершин этого Олимпа даже страусиной чуме не под силу.

Наиболее подвержены инфекционным заболеваниям и всевозможным стрессам хряки. Им пора слазить со своих диванов, прекращать хлестать водку и наконец-то подыскать полезную и денежную работу. Желательно на свежем воздухе и вдалеке от вино - водочных магазинов.

Впрочем, я бы советовал опасаться не свиного гриппа, а человеческих врачей!

КОРОТКИЙ РАССКАЗ

Владимир Горбань

КАК ПИСАТЬ ПРОЗУ

Для того, чтобы создать добротный рассказ или претендующую на успех повесть, необходимо знать 3-5 несложных правил.

Правило первое, основополагающее. Если можешь не писать - не пиши. Занимайся своим прямым делом, не изменяй родной профессии.

Правило второе, главное. Если совсем невмоготу и уже взялся за перо, пиши о том, что хорошо знаешь, глубоко прочувствовал.

Правило третье, фундаментальное. Всякое произведение должно начинаться красиво и интригующе, независимо от избранного жанра.

Например, повесть о деревенской жизни можно начать так: «Верхнереченский пастух Афанасий Егорыч знал в лицо каждую корову в

своем стаде». А вот неплохая первая строка для детективной истории: «Полковник Вихрев, разжалованный за своенравный характер в рядовые, не спал четвертые сутки, ожидая в засаде коварных врагов». Роман о романтической любви желательно начать издалека: «Она стояла у раскрытого окна в цветастой кофточке, совсем босая, а в кронах цветущих черемух без умолку пел соловей».

Правило четвертое, факультативное. В каждом произведении желательно наличие сюжета, по возможности оригинального или хотя бы хорошо забытого. Сюжет повести о сельской жизни может развиваться так: верхнереченского пастуха Афанасия Егорыча переводят в плане обмена опытом скотником в соседнюю деревню Нижнереченскую. Удои у коров верхнереченского стада резко падают. Заведующий фермой, зоотехник и новый пастух не могут понять истинных причин и интенсивно лечат бедных буренок от бруцеллеза. В результате такой безжалостной химиотерапии коровы вовсе перестают доиться. Все в панике! Вдруг из города приезжает с лекцией известный психотерапевт, гипнотизер и маг в пятом поколении. Этот чудо-целитель за один сеанс излечивает всех бабок и алкоголиков. Его уговаривают посетить ферму. Он долго и вяло отказывается, но после того, как его нижейше просит самая красивая в округе доярка, эскулап великодушно соглашается. Экстрасенс, гипнотизер и маг вступает с коровами в диалог на языке медиков – латыни - и выясняет истинную причину их болезни. Оказывается, буренки тоскуют по своему прежнему пастуху и им вовсе не хочется жить.

Афанасия Егорыча в приказном порядке возвращают в родную деревню. Его встрече с коровами посвящается отдельная глава, которая заканчивается утверждениями о резком возрастании удоев. Эту сентиментальную повесть можно завершить такой фразой: Афанасий Егорыч плакал в своей жизни лишь дважды. Первый раз от горя, когда покидал свою малую родину, а теперь от радости возвращения домой после долгих мытарств на чужбине».

Сюжет детективной истории стоит по возможности сразу и предельно запутать. Ход мыслей может быть таковым. Бывшего полковника Вихрева вовсе выгоняют из органов. Так называемые друзья-сослуживцы от него отвернулись, жена бросила. Напасти одна за

другой преследуют Вихрева: сгорает квартира, угощают автомобиль, а сам он в восьми местах ломает правую руку. И все это - происки хорошо организованной преступности. Однако бывший полковник не

ограничиться первым.

Владимир Горбань

СТАРИКИ И РАЗБОЙНИКИ

дается. Он учится стрелять левой рукой, сходится с другой женщиной, поселяется в ее квартире, пользуется ее автомобилем и помощью ее друзей. В итоге Вихрев выслеживает преступников и устраивает им засаду. Отдельная глава посвящается рукопашной схватке, пальбе и завершается пленением особо опасных преступников. Ими оказываются бывшие сослуживцы рядового Вихрева. Заключительный аккорд может звучать так: «Вихрев был произведен в звание генерала и представлен к правительственной награде. Однако к бывшей своей супруге так и не вернулся».

Любовный сюжет не обязательно выстраивать замысловато. Достаточно внешнего эффекта и внутреннего драматизма. Допустим, она его долгие месяцы ждет, а он об этом еще не знает. Пусть как можно чаще посвистывает соловей, а ночи будут сырыми и зябкими. Пусть он будет моряком дальнего плавания или ушедшим на битву ратником.

Хэппи-энд предпочтительнее, хотя обоюдных слез должно быть пролито немало. Закончить эту историю можно кратко: «И жили они долго и счастливо, и оба умерли в один день на Страстной неделе».

Правило пятое, необязательное. Если вы все же решили следовать моим правилам - можете

-Слышь, Добрыня, малому больше не наливай, - сурово промолвил кряжистый старец, ухватив граненый стакан могучей ладонью, в которой тот смотрелся не больше наперстка. - Алешка как только врежет лишку, так его на барышень тут же тянет. А нам расслабляться нельзя, нам службу надо ратную нести.

Тут, как по волшебству, двери сторожки распахнулись и в комнату влетела перепуганная Анфиска, председателева секретарша.

-Дядя Добрыня, дядя Илья, - затараторила она умоляюще, - Там Петрович вас спешно просит, нужны вы ему позарез!

-Что там опять приключилось? - повеселел Илья. - Опять набег что ли?

-Да нету времени мне тут вам подробности пересказывать. Собирайтесь скорее, да эти, как их там, кольчуги свои надеть не забудьте!

-Что, так серьезно? - удивился Добрыня.

-Да не ведаю я толком, - зашебетала Анфиска, - только дело срочное. Вы поспешайте, а я побегу. Очень уж любопытно посмотреть, чем же все это закончится.

И, хлопнув дверью, пуце ветра пронеслась перед окнами.

-От, егоза! - заулыбался Алеша. - Княжну Ольгу мне напоминает.

-Ну, ты, донжуан с картины Васнецова! Ты с нами пойдешь или эротику по видеку смотреть останешься?

-Эх, Илья, Илья! - закачал Алеша головой. - Сколько уж лет мы вместе службу ратную несем, сколько ворогов земли русской на копья свои нанизали, сколько меда-пива за одним столом выпили, а так ты душу мою тонкую, поэтическую и не понял. Ладно, где моя кольчуга?

Старцы по очереди, осторожно, чтобы могучими плечами не вырвать дверные косяки, вышли во двор. Со стороны правления раздавались какие-то истерические вопли.

-Как пить дать - набег! - нахмурился Добрыня. - Пойдемте живее.

И старцы прибавили шагу.

-Эх, палицу я свою забыл, - пожаловался Илья. - Склероз ведь у меня. Что ж ты мне, Добрыня, про нее не напомнил?

-А у меня, что думаешь, геморрой, что ли? - обиделся Добрыня. - Да у меня склероз похлеще твоего будет. Это вон Алешка все помнит. Особливо по амурной части.

У правления старцы заметили два «Мерседеса». Вокруг толпились молодые бритоголовые парни в кожаных куртках, спортивных штанах и кроссовках импортного пошива. Один из них держал председателя за горло и что-то ему с пеной у рта злобно объяснял.

-Эй ты, сморчок в подштанниках, - пробасил Илья, - ты пошто это председателя нашего за кадык держишь?

Бритоголовый отпустил Петровича и с любопытством уставился на старцев. Постепенно мутные его глаза стали наливаясь новой порцией крови.

-Крыша моя, - прохрипел Петрович, - представляя старцев.

-Эти дрова?- ядовито ухмыльнулся бритоголовый.

-Хто такие и откель? - грозно спросил Добрыня, нервно подергивая плечами.

-Мы? - удивился бритоголовый. - Мы - рэкетеры. Дань собираем. А вы, старикашки, шли бы вон туда, - и наглец указал в сторону мельницы, - кладбище, по моему, там.

Кожаные дружно заржали.

-Рэкетеры, - задумался Алеша и начал перечислять, загибая пальцы, - половцев били, печенегов били, хазаров били, монголо-татар били. Деникинцев, помню, били. Кто такие рэкетеры? Немчура, что ли?

-Крест! - заорал бритоголовый. - Убери стариканов с горизонта!

Молодой, атлетически сложенный юноша выскочил из толпы рэкетиров и подлетел к Алеше, дико щерясь:

-Вали отсюда, пень трухлявый, пока я тебе чакан не расколол!

-Чудно говорят, точно басурман. Ты, Добрыня, хоть что-нибудь уразумел из его речи?

-Крест присел в какой-то вычурной позе и с криком «киа» рванулся к Алеше, пытаясь пяткой угодить ему в лицо.

-Что ж ты такой нервный? - удивился Алеша, хватая рэкетера за пятку. - Куда ж ты ногу свою суешь, лярва ты поганая?

Алеша сжал в кулаке вражескую пятку, раздался хруст костей и звериный вопль рэкетера. Алеша

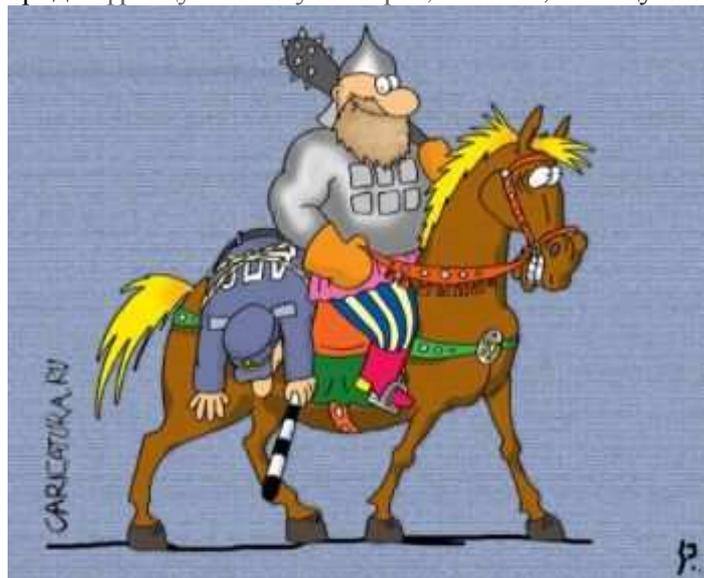
разжал кулак. Крест рухнул у его ног, извиваясь, словно обезглавленная змея, задыхаясь от собственного крика.

Бритоголовый знаком подал команду. Кожаные выхватили нунчаки.

-Ну, козлы! - завопил бритоголовый, переходя на мат. - Щас мы вас в натуре уроем!

И рэкетеры «свиньей» двинулись на богатырей.

-Слышишь, Добрыня,-поинтересовался Илья, -что это они за хреновины в руках крутят? Чудные, вроде французских мушкетеров, -Жаль, палицу я

свою дома оставил!

-Как дома? - удивился Алеша - Это ведь у вас склероз, а по моей молодости этой болезни не полагается. Держи, Илья, свою палицу.

И Алеша протянул Муромцу его оружие.

-А ну, разойдитесь, други, - допросил он Алешу с Добрыней, поплеывая на ладони, - а то зашибу ненароком. На глаза я что-то стал слаб в последнее время!

Кожаные резко остановились, попятнулись, но Илья уже раскрутил свою семипудовую палицу. Налево махнул - и вколотил бритоголового в землю, как гвоздь, по самую шляпку. Махнул направо - и груды металлолома осталась от «Мерседесов». Махнул прямо... Да зря старался. Вороги врассыпную тикали в сторону мельницы.

Опустил Илья палицу, подмигнул председателю, развернулся в сторону дома и побрел не спеша своею дорогою. Рядом с ним шли неразлучные его сотоварищи Добрыня Никитич и Алеша Попович. Ливонцев били, - загибал пальцы Попович, - тевтонцев били, шведов били, немцев били. Петлюровцев, помню, с буденновцами били. Когда же покой да благодать-то на Руси настанут?!

ШЕНКЕЛЯ ДЛЯ ПЕГАСА

Владимир Горбань

*Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.*

А. С. ПУШКИН

ЖАЛОБА

*Мой милый Саша, я, увы, не лгу.
Тебя я пережил на восемь лет.
Но странен для меня такой совет,
Воспользоваться им я не могу.*

*Конечно, я не Пушкин, не Крылов,
Не даже Виктор Боков, извини.
Провинциальному поэту в наши дни
Не заработать даже рубль продажей слов.*

*Пытаюсь я бессчетно много лет
За деньги сбавить рукопись свою.
Во все редакции, издательства сую,
Но мне твердят решительное: - «Нет!»*

* * *

*Я уже не поэт, я безглавый народ,
Я остаток, я жалкая муть.
Если солнце по небу зигзагом пойдет,
То душа повторит этот путь.*

*ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ
«Наш современник», № 9, 1991 г.*

ЗИГЗАГ УМА

*Я уже не народ, я остаток, я муть,
Негодяй я, подонок, мерзавец.
Ну, а если поглубже лопатой копнуть,
Беспринципный я хриstopродавец!*

*Если солнце по небу зигзагом пойдет,
То душа повторит этот путь.
Я гиена, шакал и трусливый койот,
Ядовит, как пролитая ртуть!*

*Мои вирши приводят читателей в дрожь,
Как коровы в балете на льду.
Зигзанулся умом я, похоже, всерьез
И пишу большей частью в бреду.*

*Я душу спасаю от шума и глума,
Летящих по краю.
Я думаю думу. О чем моя дума
И сам я не знаю.*

*ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ
«Наш современник», №11, 1990 г.*

НАДУМАННАЯ ДУМА

*От шума и глума, по краю летящих
Я душу спасаю.
Боюсь также хамства и звуков свистящих,
Что делать – не знаю.*

*И думаю думу задумчиво. Дерзко
Свой мозг напрягаю.
Но в чем же спасенье от грубости, треска,
Убейте – не знаю.*

*А между раздумьями уши заткнувши,
Я вириши крапаю.
О чем мои вириши, По-сути копнувши,
И сам я не знаю.*

* * *

*Что захочешь – выследишь и купишь.
И поешь... Не зря на все село
Шпиль антенны, словно узкий кукиш,
Выситя уверенно и зло.*

*ВАЛЕНТИН СОРОКИН
«Наш современник», №8, 1990 г.*

СЕЛЬСКАЯ ВОЛЬНИЦА

*Что захочешь – купишь и без блата,
И напьешься... Ведь не зря в селе
Триста самогонных аппаратов.
Лично я – всегда навеселе.*

*А захочешь – выследишь, задушишь
Курочку, свинью иль бегемота,
На жиру с картошечкой потушишь
И наешься сытно до икоты.*

*Коль захочешь – девушку полюбишь.
А родит... Так то еще не повод,
Чтоб не показать ей грязный кукиш,
Узкий и запутанный как провод.*

ВЕСЕЛЫЙ ПАРНАС

Владимир Горбань

* * *

*Девушка с отбойным молотком,
Красавица в оранжевом жилете.
Из-за угла за нею я тайком
Следил, не находя ответа*

*Зачем она на стройку подалась.
Могла бы стать прославленной моделью.
Хотя и там, конечно, грязь,
Но грязь другая, связана с постелью.*

*Её глаза озерной глубины,
Точеный стан, рука аристократки...
Из-за обшарпанной стены
Я наблюдал за ней украдкой.*

*Понять не мог, а может, не хотел
Зачем судьба к ней так несправедлива.
Она вдруг обернулась между дел
И подмигнула мне игриво.*

*Я был смущен, раздавлен как катком
Прекраснейшим созданием на свете,
Девушкой с отбойным молотком,
Красавицей в оранжевом жилете.*

*Она сняла дурацкую жилетку...
И укатила в новеньком «Рено».
Я в ней узнал актрису и кокетку.
На стройке Михалков снимал кино.*

* * *

*Я вас узнал, конечно, сразу
По прелестям нагого тела,
Глазам, горящим, как алмазы
И коже, что белее мела.*

*Рожденная из кипрской пены
В эпоху, помню, неолита,
Вы покорили мир сей бранный
Прекраснейшая Афродита!*

*Мир покориw очарованьем,
Невинной с виду наготой,
Неведомой соблазна тайной,
Почти крестьянской простотой.*

*Потерян счет сердцам разбитым
Богов, поэтов раньше срока.
Прекраснейшая Афродита,
Любви богиня и порока!*

*...Вы мне явились в Интернете
На сайте для холостяков.
Я щелкнул мышью под портретом
И вы ушли во тьму веков!*

* * *

*Везде отдыхать мы горазды:
На Кипре, Багамах, в Крыму.
Привычка такая заразна,
Рождает она кутерьму.*

*Кальмары, кольраби, мартини,
Креветки, крюшоны и крабы...
На пляжах Чукотки в бикини
Балдели российские бабы*

*Большой привет с Малого Узеня
Ершовские авторы несерьезного жанра*

Геннадий Мещеряков

Баба Яга

В этот автобус по утрам вмещалось вдвое больше пассажиров. Резиновый что ли? И каждый раз я встречал ее - эту старуху, похожую на Бабу Ягу.

Болезнь переломила ее пополам, передвигалась она с двумя костылями иноходью. Смотрела исподлобья пронзительно и зло, шевеля губами, словно ворожила. Еще найдет килу какую! Не приведи Господь!

Одна в кожаной мини – юбке не выдержала:

-Что ты по ногам бродишь, бабка! Ездил бы попозже, или сидела дома.

Случилось страшное. Позавидовал бы сапожник. Отборный мат, украшенный образными выражениями в адрес девы, озадачил даже водителя, который по молодости лет работал лесорубом на БАМе. На всякий случай он остановил автобус и открыл дверь.

Выпучили глаза все. Кивал головой только пьяный сторож, ничего в жизни не понимающий, кроме мата.

Выскочила, не выдержав, из автобуса дева. Все шутили над ней: видимо, коротковата была у нее не только юбка, но и язык.

Потом не видно стало Бабы Яги. Я спросил кондуктора об этом.

-Помогла монетизация льгот,- сказала она,- раньше бабка ездила бесплатно, а теперь наличными надо платить.

Немало интересного я узнал о Бабе Яге. Любила она бродить лунными ночами по кладбищу и однажды чуть не насмерть напугала приютившуюся там парочку.

Было около двенадцати, и юноша поведал девушке байку о встающей в полночь из гроба ведьме, старой, с клюкой. И тут как тут – она: согнутая в три погибели, с всклокоченными волосами стучит костылями по каменной тропинке.

-Вон отсюда, нехристи,- зашипела она по – змеиному.

Влюбленные онемели от страха. Но бабка восприняла это как злостное неподчинение ее воле. И покрыла «голубков» таким

многоэтажным, вернее, небоскрежным матом, что покойники в могилах многократно перевернулись!

Однажды к Бабе Яге сантехники зашли по нужде – сменить отопительные батареи. После хорошей опохмелки заявили, боялись сглаза. Ну, и какие они работники, после выпитого, из расчета литр на брата? Так ведьма сама со злости те батареи в окно повыбрасывала! В тот день, впервые за две пятилетки, сантехники домой трезвыми вернулись, на радость своим и чужим женам.

Был у Бабы Яги огородик: на несколько грядок – лучок там, помидоры, огурчики. Поливала она их прямо из окна тонким шлангом. Инспекторы водоканала обходили это место стороной, как лепрозорий или венерологический диспансер. Даже вороны облетали ее огородик на расстоянии двух верст.

Как - то раз Баба Яга собирала урожай с грядок. И на солнце прикемарилась. Во весь рост. А кофта на ней и юбка были хотя и старыми, но малотертыми.

На этом и попались пришлые бомжи.

-Пугало- то как разрядили! Бесятся от жира!- сказал беззубый напарнику.- Давай сопрем. Литр самогонки бабка Дашка даст взамен.

Кофту сняли сразу, а вот юбку...

Пугало оказалось с глазами и как заорет:

-Караул! Насилуют!..

А потом Баба Яга выдала такие матюги! Книга рекордов Гиннеса отдыхает!

Один из бомжей помер сразу, второй ринулся через ограду в переулочек, порвав в четырех местах последние штаны..

Сергей Левичев

Принесла собака в ночь

-Так вот что, молодцы, хочу я вам сказать на данном этапе развития гражданского общества в нашей стране,- начал свою речь на открытом уроке в День Знаний приглашенный в школу ветеран. – В коммунистическом обществе, о построении которого так много любили говорить большевики и любители кукурузы, обещавшие светлое будущее, нам не суждено было пожить.

-Нам тоже!- раздался голос двоечника Васи с задней парты.

Но ветеран был туг на оба уха и, не расслышав реплики, продолжил свой монолог:

-В каждый дом, квартиру, общежитие, шалаш, гараж, школу нежданно - негаданно ворвался капитализм, причем загнивающий со дня моего рождения и еще раньше. Правильно ли ваши родители, да и мы с вами ступили на скользкую стезю капитала? Нет, не правильно! Вот у соседа, что слева живет от меня, хватка капиталиста. Он свое не упустит! Видно, с малства при лучине, зараза, почитывал «Капиталы» Маркса. Надо же додуматься: навывливал в своем огороде, где у него, кроме чилиги, ничего не растет, какой- то медведки. Эти гады не пропустят на своем пути ни кустика, будь то помидор, капуста, картошка или сладкий перец. Все в огороде сожрут, окромя

сорняков. И вот мой соседка набрал этих тварей целую трехлитровую банку. И дал в газету рекламу: «Продаю отличный разрыхлитель почвы для сада и огорода. Недорого!». Все бездельники и потянулись к нему. Все, кто подумал, что действительно в природе существует средство, способное заменить на огороде лопаты, грабли и мокрую спину труженика. Ну, и испробовали они по весне этот «разрыхлитель почвы»! Не знаю, как у них там с прибавкой к урожаю вышло, а сосед на деньги, вырученные от продажи «разрыхлителя» себе новый мотоблок купил!

Я вот тоже надысь приобрел инкубатор для производства индюков. Кредит банкирша мне под сносный процент выделила. Отдашь, говорит, через три года. Ежели... участковый Отекшин по ночам спать не будет. Ежели... птичий грипп не посетит вашу волость... Ежели... собака соседская индюшат не порвет. Ежели... Ежели...

В общем, капитализм – гиблое дело! Одни убытки нашему народу по части индюшиного приплоду от этого проклятого капитализма!

Тут вот что, ребята, недавно у меня собачка щенят понарожала. Белобрысенких таких дворняжек. Щенки то они уже вовсе не щенки. Взрослеют и взрослеют, паразиты! И жрут все подряд без разбору, только давай. А где взять? И как с банкиршей за просроченный кредит расплачиваться?

Прошу проявить вас ваше капиталистическое правосознание и заключить со мною договоры купли- продажи этих... собак. Всю литературу по собаководству и утепленную будку с евроремонтом обязуюсь отдать... бесплатно. Капитализм, черт его поберит!!!

Сергей Левичев

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

-Прошу всех встать!- взвизгнула секретарь судебного заседания. -Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора!

Раздался стук, скрип старой мебели, двигаемой участниками процесса и присутствующими.

-Осподи!- раздалось по залу суда и «троица», минуя зарешеченное для преступников место, поспешила удалиться.

-Чай судьям!- раздалось по мрачному коридору.

Войдя в просторный кабинет, пахнувший свежевывсохшей краской, председательствующий Карпыч нахмурился и с обидой в голосе произнес:

-Придется подсудимую оправдать, доказательств кот наплакал.

-Я вот все думаю, как же тот мужик с поезда дошел до дома босиком?- спросил заседатель Челпаков.

-Какой мужик?- удивился Карпыч.

-Да я историю из своей жизни рассказала Челпакову,- пояснила Шахиня.

Никто толком не знал ее фамилии, так часто любвеобильная женщина выходила замуж и меняла паспорта. Эту дородную мадам, которая, по мнению обывателя, участвовала во всех судебных заседаниях на протяжении многих лет. Все так по свойски и звали - Шахиня.

-Да я прошлой зимой в Алма-Ату отправилась, улыбнулась Шахиня,- мне врачи свежий кумыс пить прописали.

-И мне кумыс прописали,- сказал Карпыч,- говорят, он нервы хорошо лечит.

-Ну, а этот то мужик что?- не унимался Челпаков.

-Да какой мужик?- Карпыч начал злиться.- Ты мне лучше скажи, где кумысу свежего раздобыть?

-Дело было так,- рассмеялась Шахиня. – Села я в поезд, курочку скушала. Аппетитную такую, копченую...

Карпыч и Челпаков сглотнули слюну.

-И спать завалилась. Чую, среди ночи проводник как заорет бешеным голосом:-Алтата! Алтата! Я спросонья соображаю плохо. Но чую - пора. Поезд уже отходит от станции. Я сиганула вниз с верхней полки. Вокруг темно, все дрыхнут как убитые. В окно выглянула, точно – Алтата! Я шубу накинула, шапку в одну руку, чемодан - в другую, ноги в валенки сунула и на перрон...

-Ой-е-е,- закатился от смеха Челпаков. Алтата - это маленькая станция в степи недалеко от Ершова. От нее до Алма - Аты еще полтора суток езды!

-Серьезно?- улыбнулся Карпыч.

-Ну, да, так и было,- заверила Шахиня.- Вылетаю на перрон, народу никого, буран и я стою в валенках пятидесятого размера!

Тут Карпыч не сдержался. Он живо представил себе эту картину: Шахиня посреди заснеженного перрона в гиганских валенках по пояс!

-Ой- е-е,- рассмеялся Карпыч.- Ну, насмешила, матушка! Отложить процесс! Позвать прокурора!

-Ну а как же тот мужик,- не унимался Челпаков.

-Ка-ка-кой мужик?- вытирал слезы Карпыч.

-Ну, тот. Что в поезде остался.

-Ха-ха-ха,- Карпыч схватился за живот.- У тебя, Шахиня, какой размер ноги?

-Тридцать шестой с шерстяным носком.

-Ха-ха-ха,- заливался Карпыч.

-Ну, а как же тот мужик?- волновался Челпаков. – Как же он в твоих то валенках?

-Ха-ха-ха.- не унимался судья.

Раздался стук в дверь и в совещательную комнату заглянула секретарь судебного заседания:

-Чай уже подавать?

-Ха-ха-ха,- дрожал от смеха Карпыч.- Неси. И это... прокурора позови.

Судебное заседание возобновилось через полчаса. С обвинительным словом выступил прокурор:

-Сегодня мы судим женщину, так сказать, легкого поведения, которая с балкона третьего этажа уронила горшок, хи-хи, с каким-то там цветочком... И куда? Хи-хи, на голову. На голову очень уважаемого человека. Мужика...

-Какой размер горшка?- спросил адвокат.

-Пя-пя-пятидесятого размера,- сострил Челпаков.

Первым сорвался на смех судья Карпыч. Своим звонким смехом его поддержала Шахиня.

Через минуту ржали все, включая охранников и подсудимую. Да так заразительно, что люстра под потолком стала опасно раскачиваться...

Предупреждаю сразу,
усы брить не буду.

Сергей Левичев

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Весна...Школа жила обычной жизнью. Никаких потрясений, как - то – комиссий отдела образования, государственной пожарной инспекции не ожидалось...

Шел третий урок, время близилось к обеду. В коридоре тишина, лишь изредка из кабинетов доносились фразы иностранного языка, звуки баяна с урока музыки, удары мяча с урока физкультуры.

Привычную размеренную жизнь школы нарушил ни ожидаемый звонок на перемену, ни беготня ребятни, раньше времени покинувшей класс, а потряс ее топот бегущей по коридору школы грузной женщины-уборщицы голосившей не жалея гортани:

-Уб-би-ли! Тр-тру-пп! Ка-ра-ул!

Из классов выскочили учителя, а вслед за ними ученики, взирая на убитую горем уборщицу, которая, пританцовывая и ударяя себя по бокам, кричала, что есть мочи и

показывала в сторону школьного огорода и пруда за ним.

-Тр-тру-пп! Уб-би-ли!- не унималась та, размахивая перед сотней собравшихся руками, переминаясь с ноги на ногу, словно танцуя, что забавляло младшие и старшие классы, ученики которых были просто счастливы вмиг оборвавшемуся уроку и не скрывали того. Кто-то прыгал, передразнивая уборщицу. Кто-то бросил клич: «Вперед!» и любопытная, ничем не опечаленная толпа рванула к берегу пруда, куда показывала уборщица, откуда то появившейся в руке шваброй.

-Там лежит труп!- кричала она.

А на зеленом ковре из травы на пригорке лежал опоздавший на уроки ученик 9 класса, которого одноклассники в своем кругу звали «Пензяк», возможно потому, что родители его были родом из Пензы. А может потому, что он предпочитал пензенское пиво. Он лишь начал сладко потягиваться во сне, как его разбудил непривычный для детского уха шум. «Пензяк» неуклюже встал на карачки и увидел людскую толпу, бегущую к пруду. Сначала она напоминала пчелиный рой, а затем, по мере приближения табун лошадей, вырвавшихся из горячей конюшни. Впереди мчалась со шваброй, похожей на допотопное ружьишко, уборщица и после каждого прикосновения ее ног с землей в воздух поднимались клубы пыли.

«Пензяк» расслышал рвущееся из ее груди: «Уб-би-ли!» Он обернулся и посмотрел на пруд. По водной глади лениво плавали утки, в кустах, где обычно удили рыбаки, никого не было. Слева от пруда на огороде одиноко маячило пугало.

-Куда же они так несутся?- подумал «Пензяк», плохо соображая, - И Любовь Александровна, классный руководитель, и Татьяна Васильевна, завуч, и Владимир Петрович, директор школы, и завхоз, имени-отчества которого никто из школьников толком не знал! Куда несется эта толпа учеников с первого по одиннадцатый класс?!

«Пензяк» поднялся во весь свой рост, чуть выше табуретки с кепкой. «Труп» обступили со всех сторон в три ряда взволнованные учителя, уборщица и школьники.

-А-а-а что это вы тут де-дел-ла-ете?- только и смог промямлить горе- ученик, дыша на них свежим пивным перегаром.

ПОВЕСТЬ

Владимир Горбань

Царская опрометь
(Политсказка)

Гл. 1.

Жил – был царь. И надо отметить, хорошо жил. Все у него было: и дворец каменный, и шикарная квартира в центре Стольного града, и роскошная дача на берегу теплого моря, и персональный ковер – самолет, и жена – красавица, и две дочки – умницы. Были у него могучая армия, непотопляемый флот, тайная полиция, скорый суд, свирепая прокуратура, страшная тюрьма, всякие министерства и ведомства, бюро и главки, канцелярии и конторы, приемные для ходочков и паспортные столы. Недра были богаты нефтью и газом, углем и рудами, черными, цветными и драгоценными металлами, изумрудами, рубинами и алмазами. В морях, омывающих великое царство, в реках и ручьях, прудах и озерах водилось множество всякой рыбы. В лесах и на болотах прыгало, скакало и летало неисчислимое количество пушного зверья, лягушек и медведей, лосей и кабанов, сайгаков и росомах, боровой дичи, грибов, ягод и орехов была уйма. По тундре бегали олени и лемминги, в степях колосились рожь, пшеница и ковыль, по пустыням поднимали пыль стада куланов и джейранов, на бахчах спели сладчайшие арбузы и дыни. Высоко в горах гнездились орлы и грифы, охотились на тучных баранов снежные барсы и одинокие абреки.

Всего было у царя в достатке. Вот только с подданными ему не повезло. Хреновенький народец достался. Скандальный, в особенности, по бытовой части. Вечно народец был недоволен жизнью. То колбасы ему в магазинах не хватало, то соли – спичек. То башмаки завезут ему в универмаги сплошь одного размера и фасона, то во всем царстве зубной порошок миглом заканчивается. То ему горячую воду летом подавай, то норковые шапки, то сахар из продажи исчезнет. Но главным раздражителем был повальный дефицит туалетной бумаги.

А интеллигенция Царю и вовсе гнилая досталась. Техническая еще так себе, а вот

творческая... Эта интеллигенция на кухнях по вечерам собиралась за рюмкой чая, называла себя совестью нации и анекдоты про Царя и Царицу сочиняла. Один похабнее другого. Оно бы ничего, оно бы можно и стерпеть за каменными стенами, да стали эти анекдоты за кордон просачиваться. И стали за кордоном над Царем и Царицей посмеиваться. Дошло до того, что Царю уж стало стыдно послать заморским в глаза заглядывать. Да и Царица все чаще стала подзуживать, мол, прими меры, сделай так, чтоб нас за бугром полюбили и зауважали. Чтоб не только мы к ним в бутики за модными тряпками мотались, но и они к нам приезжали на Арбат, поглазеть на матрешек, лапти и тульские самовары.

Особенно задолбали Царя писатели. Сочинит эдакий шелкопер пасквиль про родимое царство и запустит в народ, а за бугром продублирует его в каком-нибудь вражеском издании. Нет бы, делом, каким то полезным заняться: в понедельник организовать субботник, во вторник провести воскресник, в среду собрать профсоюзный актив, в четверг помитинговать в защиту голодающих в Африке, а в пятницу выехать на уборку картошки в отстающий колхоз. Нет, засядет такой борзописец за кухонный стол и всю ночь пишет, пишет, пишет... До утра. А когда забрезжит рассвет, бежит этот писака во двор дворничать, на хлеб с кефиром зарабатывать.

Народ, конечно, к своим писателям, как к блаженным относился, жалел больных. Народ от безысходности все больше на чаек налегал. Отдельные его представители неделями без останову пили. Для них специальные лечебные профилактории за колючей проволокой организовали, да толку не было.

Кумекал Царь, кумекал, раза три с Царицей советовался, воевод своих самых головастых для консультаций вызывал. И решил таки Царь на самую крайнюю меру, решил он запретить во всем царстве- государстве питье чая. А заодно и потребление сахара, карамели, пряников и прочих сладостей из винограда, алычи и картофеля.

Гл.2.

Запретил Царь народу чаевничать, да просчитался. Опустела казна без главной статьи доходов. Не на что стало в достатке содержать могучую армию, непотопляемый флот, тайную полицию, скорый суд, свирепую прокуратуру, министерства и ведомства, бюро и главки, канцелярии и конторы, паспортные столы и прочие государственные структуры. Заверещали генералы и министры, судьи и прокуроры, чиновники и паспортистки. И цены за кордоном на нефть и газ, как назло, упали. А народу все ни почем. Исчезли чай и сахар, стали мяту и куриный помет заваривать. Исчезли сигареты, народ принялся сухую листву курить. В магазинах шаром покати: ни колбасы, ни сыра, ни куриных ног. А в холодильниках у людей все есть: и пупки индюшковые, и ливер трех сортов, и пара бутылок чая на всякий пожарный случай. Парадокс! Никто не худел и в голодный обморок не падал. Даже на безрыбье народ продолжал анекдоты сочинять. Один похабнее другого. Талоны в гастрономе отоварят, и давай над Царем и Царицей угорать. Особенно угорала и чумилась творческая интеллигенция. Получили образование на халяву, им бы Царю- батюшке ноги целовать. Так нет, чаи на кухне гоняют, жизнью не довольны...

А Царь- то в душе добрым был. Сам родом из крестьян, все детство в лаптях проходил. С мальства сопливого на быках зябь пахал, трудовой орден заработал. И вот нашло на него затмение, какое- то. То ли пирожок несвежий съел, то ли чаю крепкого лишку выпил. Пелена, какая- то на мозги его опустилась. Придремал Царь на троне, а во сне ему вроде как внутренний голос чушь всякую нашептывает. В общем, помутился в рассудке слегка Царь- батюшка. И сам того не заметил. И Царица сразу внимания не обратила.

Долго сказка сказывается, да быстро дело лихое делается.

Едва оправился Царь от бодуна, начался у него реформаторский зуд. Да такой чесучий, спасу нет! Вызвал Царь к себе в палаты каменные Змея

Горыныча, начальника тайной полиции и спрашивает его с колхозной хитрецей в голосе:

-Ну, как там, Горыныч, народец мой поживает, добра наживает?

-Да ничего, не жалуется,- отвечает генерал,- недавно митинг в поддержку голодающих за бугром провели. На прошлой неделе бревна на субботнике таскали.

-Пьют?- голос Царя посуrowел.

-Не без этого, батюшка.

-Где берут?

-Сами заваривают.

Царь почесал лысину, задумался. Он по молодости в столичном университете диалектику изучал. Но многое не мог понять. Многого та диалектика не объясняла.

-Тут вот что,- Царь вдруг подвинулся вплотную к Змею Горынычу и перешел на едва слышный шепот,- пора нам какие- то радикальные меры принимать. Понимаешь, о чем я?

-Сажать будем?- оживился генерал.

-Типун тебе на язык. Я что - Ирод? Я сам на сеновале родился. Да и ты, согласно личному делу, в бане, а не в палатах каменных.

-Стрелять будем?- обрадовался Змей Горыныч, потирая мозолистые от «маузера» руки.

-Да ты что, совсем офонарел в своем пыточном подвале?- Царь замахнулся на генерала кулаком.- Где мы раздобудем столько сухих патронов?! Надо как - то иначе действовать, как - то перестраиваться надо. Ты бы заслал верного казачка за бугор. Надо разведать их секреты, опыт передовой перенять.

-Травить будем?

-Да ну тебя к лешему!- Царь совсем расвирепел.- Перестраиваться будем. На английский или французский манер. Может, правы наши диссиденты, может действительно нам забугорной демократии не хватает?

-Чего? - у Змея Горыныча от удивления все шесть глаз вылезли на лбы.- Может, лучше десяток- другой свинокомплексов построим или полсотни барачков со всеми удобствами?

-Этим потом займемся, при развитой демократии. Всех накормим и переселим. Короче говоря, ступай восвояси, через недельку отчитывайся.

Гл. 3.

Поплелся Змей Горыныч к себе в кабинет, угрюмый, злой, как черт. А в приемной его секретарша по агентурной кличке Русалочка спрашивает участливо:

-Чайку заварить, товарищ генерал?

-Молчи, дура!

-Что, опять Царь вызывал? Не в духе Государь?

Русалочка встала из-за стола, поправила свои шикарные рыжие волосы, высокую грудь, скользнула рукой по крутому бедру, одернула мини- юбку. Ее неземная красота обычно размягчала суровый нрав Змея Горыныча, снимала злобу.

-Да ну его, хрена лысого, совсем из ума выжил! Демократии захотел. Да нашему народу только дай свободу! Все вдребезги разнесут! Все растащат по коммуналкам, глазом не успеем моргнуть!

Горыныч злобно сверкнул очами. И вновь начал злиться.

-Ты, Русалочка, смотри у меня! Смотри не сболтни кому-нибудь! Царь может еще охолонет, дурь может с него еще и сойдет. Может его Соловей Разбойник, наш премьер- министр переубедит. Или Царица,- генерал задумался,- Нет там у тебя на примете какой-нибудь рыженькой бабенки?

-Для какой надобности? - Русалочка зарделась, опустила очи долу.

-Не твоего ума дело! Это - государственная тайна. Чтоб у хрена лысого поменьше дури в голове скапливалось!

-А я что же, совсем уже шарм потеряла?

Змей Горыныч резко подскочил к Русалочке и замахнулся кулаком:

-Я тебе,- прошипел он,- только посмей! Я тебе быстро ноги попереломаю!

-Ревнуете? - усмехнулась секретарша. - Да не нужен мне никакой Царь! Разве же он мужик?! Мелкий, лысый. Вот вы, товарищ генерал, другое дело. И нюх, как у собаки, и глаз, как у орла!

-Это ты, верно подметила,- улыбнулся Змей Горыныч тройной улыбкой, - и рука у меня верная и на ногах крепко стою!

-Да, не то, что ваша жена,- хихикнула Русалочка,- стерва, хной крашенная!

-Замолчи!

-Хной крашенная!

-Тише!

-Крашенная!!!

-Успокойся,- генерал не без симпатии взглянул на секретаршу.

-А вот вы, мужчина видный! - Русалочка топнула изящной ножкой.- Пусть все на свете об этом знают!

-Эка новость! - произнес Змей Горыныч довольным голосом.- О том, что я видный государственный и партийный деятель ежедневно во всех газетах пишут!

-Так, может, все же заварить чайку,- обольстительно улыбнулась Русалочка, обнажив ряд ровных белоснежных зубов.

-Эх, девочка ты моя,- заскулил генерал,- что же ты со мной делаешь? Я когда тебя первый раз из окна машины на улице увидел, там же все три головы и потерял!

Русалочка на радостях кинулась в объятия генерала.

-Ну, ну, не сейчас. Дел государственных невпроворот.

-А когда?

-В пятницу после работы на ближней государственной даче,- Змей Горыныч вдруг на мгновение задумался.- Бывший не беспокоит? Не звонит?

-Никак нет, товарищ Змей Горыныч!- бодро отрапортовала Русалочка.

И трехглавый генерал довольный собой проследовал в свой служебный кабинет.

Гл. 4.

Служебный кабинет Змея Горыныча отличался пролетарской простотой. Над столом из тяжелых нестроганных досок висела огромная карта царства, из которой местами торчали флажки кумачового цвета. Черные и красные стрелы, устремленные друг на друга, вызывали неподдельный страх. На столе стояло несколько разноцветных телефонов с царственными гербами. От этих телефонов тянулись серые зловещие шнуры, которые уползали куда - то под пол. За столом стояла массивная табуретка, а слева и справа от нее размещались дубовые некрашенные лавки. Единственное зарешеченное окно кабинета выходило на площадь, посреди которой высилась монолитная скульптура, мужик с бородкой в каменной шинели до пят. А настоящая шинель Дракона Эдмундовича, основателя тайной полиции, пропахшая порохом гражданской войны, бережно сложенная вчетверо, хранилась у Змея Горыныча в сейфе. Рядом с самыми дорогими для него вещами: отцовской буденовкой, красными шароварами, подаренными командованием частей особого назначения за образцовую стрельбу, легендарным «маузером» легендарного Дракона Эдмундовича. В том же сейфе хранились сорок пять алых коробочек с самыми высшими орденами царства, пятиконечная звезда героя на маленькой атласной подушечке и пожелтевшая фотография, на которой юный Змей Горыныч в кожанке, перепоясанный ремнями и португеей, был

запечатлен среди таких же безусых молодцев, только что вернувшихся после подавления крестьянского мятежа. Имелись в сейфе и другие подлинные документы той революционной эпохи: расстрельные списки, папки с компроматом на соратников по партии, покаянные письма, прошения о замене расстрела на ссылку и прочие эпистолярные мелочи. Стояла и бутылка крепкого индийского чая, на всякий случай.

vashsmeh.com

Змей Горыныч присел на табуретку и крепко задумался. Напугала его царская прихоть. Ох, как напугала! Другие цари тоже немало чудили: гражданскую войну развязали, крестьян раскулачили, полстраны в лагеря отправили, кукурузу за полярным кругом выращивать заставляли, книжки художественные писали и даже сибирские реки хотели развернуть вспять. Но ни один царь до этого не пытался отступить от главного, от диктатуры. А этот демократии захотел. Анекдоты, видите ли, ему жить мешают. Да стоит Царю только глазом моргнуть, всех этих сатириков – юмористов – пародистов во всем царстве переловят, закуют в кандалы и на северные рудники сошлют. Все эти балагуры – балаболы давно уже у тайной полиции на

карандаше. На каждого серенькая папочка заведена, и номерок соответствующий ей присвоен. Значит, неспроста Царь о демократии заговорил. Проверяет. Кого на вшивость, кого, на преданность. Идея не так уж и плоха с этой демократией. Быстро можно всех врагов на чистую воду вывести. А их в царстве навалом, предатель на предателе и предателем погоняет!

В кармане партийный билет у сердца носит, на съездах заздравные речи толкает, всегда преданно смотрит в глаза и всячески клянется в верности до орудейного лафета. А что у такого за душой? Неясно. Взять, к примеру, Соловья Разбойника. По большому счету - темная личность. Вроде как кристально чист перед партией, но племянника своего, курского соловья в министерство внешней торговли по блату пристроил. Или вот Илья Муромец, министр обороны, тоже личность плохо проверенная. Почему недавно вражеский

самолет прямо на площади у царского дворца приземлился? Куда, спрашивается, ПВО глазело? В рюмки с чаем? А может Илья Муромец изменник родины, вражеский шпион, закордонный лазутчик в партийных рядах? И в министерстве иностранных дел полный бардак творится, все самые престижные должности сынки крупных партийных деятелей занимают. Тут, вполне возможно, при демократии мы их всех разоблачим, со всех овечьи шкуры сорвем! Хитер Царь! Ох, хитер меченная башка! Но и мы не кирзовым сапогом щи хлебаем! Научились кое- чему на крутых поворотах партийной линии!

**Журнал « БАЛАГУР »
приглашает к сотрудничеству
авторов юмористических рассказов
повестей и стихов. Сатира
приветствуется!**

КЛАССИКА

Михаил Зощенко
(1894-1958)

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

- Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре – то всё и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

- Откуда, - говорю, - ты, гражданка? Из какого номера?

- Я, - говорит, - из седьмого.

- Пожалуйста, - говорю, - живите.

И сразу как – то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

- Да, - отвечает, - действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мурмур больше. Только глазами стришет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц – привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше – больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что шука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно. Ну, а раз она мне и говорит:

- Что вы, говорит, - меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, - говорит, - как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

- Можно, - говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой – внизу сидеть, а который Васькин – аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я – на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу – антракт. А она в антракте ходит.

- Здравствуйте, говорю.

- Здравствуйте.

- Интересно, - говорю, - действует ли тут водопровод?

- Не знаю, - говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я таким гусем, таким буржуем нерезанным вьюсь вокруг ее и предлагаю:

- Ежели, - говорю вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

- Мерси, - говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня - кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег – с гулькинос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И А у дома она мне и говорит своим буржуйским молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. тоном: Дескать, кавалер, не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

- Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

- Нет.

И берет третье.

Я говорю:

- Натощак – не много ли? Может вытошнить.

А она:

- Нет, - говорит, - мы привыкшие. И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

- Ложи, - говорю, - в зад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

- Ложи, - говорю, - к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

- Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно – ваньку валяет.

- С вас, говорит, за скушанные четыре штуки столько-то.

- Как, - говорю, - за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

- Нету, - отвечает, - хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

- Как, - говорю, - надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно - перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят – надкус сделан, другие – нету.

А я вывернул карманы – всякое, конечно, барахло на пол вывалилось – народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги – в обрез за четыре штуки. Зря, без денег – не ездют с дамами. мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

- Докушайте, - говорю, - гражданка. Заплачено. в

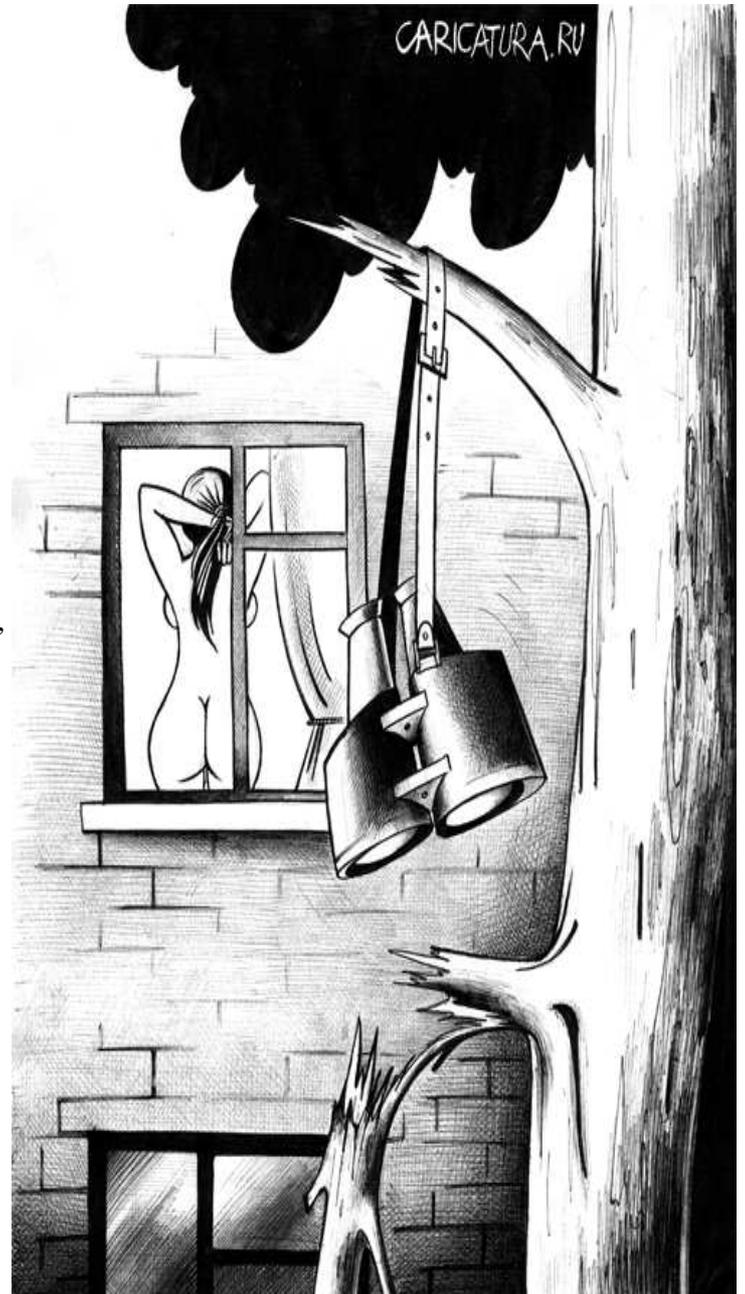
А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

- Давай, - говорит, - я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

-Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездют с дамами.

А я говорю:

- Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

1923г.

АНЕКДОТ

(Пятёрка анекдотов месяца)

* * *

Илья Муромец встречает Змея Горыныча.
 -Змей Горыныч, а чего это ты теперь с одной головой летаешь?
 -Кризис, Илюшенька! Три башки больше не прокормить!

* * *

Встречаются два друга.
 - У меня теща умерла...
 - Да ты что?! А что у нее было?
 - Да так, рухлядь одна - шкаф, стол, сервант старый...

* * *

Клиент обращается к официанту:
 -Скажите, а это правда, что вы за нами доедаете?
 -Нет, что вы! Это вы за нами доедаете.

* * *

Встречаются два друга.
 -Я встретил девушку, которая обещает окружить меня любовью, заботой и лаской.
 Ты что об этом думаешь?
 -Я думаю, как ты будешь выходить из окружения.

* * *

-Тебе налить?
 -Нет, я за рулем.
 -А чего на машине приехал? Оставил бы ее дома.
 -Дык, торопился. Боялся, вы без меня пить начнете.

Редактор журнала В. В. Горбань